

УДК 1(470) (091) «18/19»

ДИАЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

В.В. Буланов

ГБОУ ВПО «Тверская государственная медицинская академия», г. Тверь

Автор данной статьи стремится доказать существование универсального дискурса. В то же время он полагает, что эта универсальность может быть предопределена лишь межкультурной коммуникацией и осуществима только посредством диалога. В связи с этим он считает возможным использовать понятие «диалогический дискурс».

Ключевые слова: *диалог, дискурс, межкультурная коммуникация.*

Каждая культура существует в контексте сосуществующих с ней иных культур и, как следствие, межкультурных коммуникаций. Однако роль диалога в межкультурных коммуникациях недостаточно исследована. Странники постструктурализма, в частности Ю. Кристева, полагают, что диалогический дискурс полифоничен, и потому каждое слово в данном дискурсе не имеет ни устойчивого смысла, ни единых носителей этого смысла, ни единых получателей смысла [5, с. 16]. И хотя, по словам В.А. Подороги, такое утверждение опровергается самым фактом существования диалогической коммуникации, которое невозможно вне обмена конкретными высказываниями, содержащими цельные вербальные смыслы, между вполне определенными субъектами [7, с. 64–65], дискуссии вокруг соотношения понятий «диалог» и «дискурс» продолжается. Это и объясняет отсутствие понятия «диалогический дискурс».

Понятие «дискурс» стало использоваться ещё в философии XVII в., но до сих пор однозначного толкования не получило. Думается, что оно сейчас имеет два взаимосвязанных значения. Согласно первому толкованию, данному П. Рикёром, дискурс является посредником между языком, общим для всех субъектов соответствующей культуры, и их речью, излагаемой на основе этого языка, и делающих их тем самым партнерами по диалогу [9, с. 358, 364–365]. Второе значение дискурса (его автором является М. Фуко) – это сложное смысловое пространство, предполагающее свою соотнесенность с отдельным человеком или группой людей, причем этому пространству присущи закономерности, неявно влияющие на этого субъекта или этих субъектов культуры [11, с. 63, 66, 68–69]. Различны и контексты исследования феномена дискурса. В частности, в то время как П. Рикёр исследует дискурс в герменевтическом аспекте, Ю. Хабермаса это понятие интересует в качестве рефлексии над коммуникативным действием. Если же попытаться соотнести понятия «дискурс» и «диалог», то нужно обратить внимание на толкование М. Фуко. В ней философ исходит из того, что в основе об-

щепринятых норм, законов и догм находятся иррациональные мотивы и конвенции, характерные для той или иной историко-культурной эпохи или социокультурной среды. Это наблюдение легло в основу его толкования сущности дискурса. С точки зрения философа, человек под его влиянием утрачивает свою автономию и цельность, незаметно для себя самого следуя указаниям довлеющего над ним дискурса [11, с. 121]. По мнению мыслителя, в любых обществах осуществляется, контролируется и подвергается селекции производство дискурса, порождая «разноуровневость дискурсов», в своей совокупности влияющих на всё, что связано с культурой [12, с. 50, 60]. М. Фуко считает, что зависимость от определенных – и неизбежно преходящих – дискурсов разобщает людей, препятствует их объединению на едином смысловом поле. И потому, заключает мыслитель, нет и быть не может вневременного дискурса, дискурса, универсального для людей [11, с. 146].

Ю. Хабермас развивает тезис М. Фуко о разобщающем характере власти дискурса над людьми, доказывая, что участникам дискурса присущи общие критерии значения-значимости, обладание которыми изолирует их группу от других людей, объединенных иными критериями значения-значимости [13, с. 262]. И власть дискурса над людьми, замечает философ, настолько сильна, что они не могут преодолеть горизонта своего мировоззрения, очерченного спецификой присущего им дискурса [13, с. 262].

С констатацией М. Фуко и Ю. Хабермаса неизбежной зависимости человека от дискурса согласились не все современные мыслители. Исходя из причины их несогласия, этих мыслителей можно разделить на две группы.

Представителем первой группы критиков этой концепции дискурса можно считать Х. Куссе. Этот ученый считает, что возможно освободиться из-под власти дискурса, и предлагает свое видение данного процесса. Согласно ему подобное освобождение происходит в процессе участия в беседе, то есть в диалоге, но лишь в случае, если они не находятся в зависимости от общего дискурса [6, с. 64]. С тем, что общность дискурса не делает беседу шансом на освобождение от его власти, не поспоришь. Но и в беседе людей, принадлежащих к разным дискурсам, не предусматривается выход «по ту сторону дискурса» вообще. Поэтому когда в ходе беседы один её участник покидает свой дискурс, освобождается от него, он попадает в зависимость от дискурса его собеседника. И оказывается, что такой человек меняет один дискурс на другой дискурс, не более того.

Позиция П. Рикёра характерна для второй группы критиков концепции М. Фуко. П. Рикер, как и Х. Куссе, в поисках выхода из «тюрьмы дискурсов» тоже обращает внимание на феномен диалога, но роль диалога в жизни людей философу видится иначе. Согласно П. Рикёру, участие в диалоге не освобождает людей из-под власти преходящих

дискурсов. Вместе с тем, с его точки зрения, М. Фуко и Ю. Хабермас не замечают неявного существования общего для всех людей – диалогического – дискурса. В данной связи П. Рикёр замечает, что в процессе диалога возникает феномен интерсубъективности, который как раз и объединяет людей как друг с другом, так и со всем миром [9, с. 147], являющим себя в качестве бесконечного смыслового ресурса для этой беседы. Получается, что диалог – это универсальный дискурс, существование которого ослабляет разделение людей преходящими дискурсами. Такое понимание сути диалога согласуется с его основной лингвистической функцией: диалог – это форма речи, посредством которой происходит интеграция её участников через осмысление получаемой информации.

Неявность этой – дискурсивной – сущности диалога для П. Рикёра является важной и очень актуальной философской проблемой. Он полагает, что развитие отдельных отраслей науки и соответственно формирование новых, социокультурных дискурсов выявило актуальность проблемы изучения и систематизации универсального, общечеловеческого дискурса. И эта проблема, отмечает П. Рикёр, заключается как раз в разделении людей подобными дискурсами. Вплоть до того, что само существование единого для всех людей – диалогического дискурса – ещё нужно доказывать [9, с. 54]. Решение данной проблемы философ видит двояким. С одной стороны, как считает философ, оно заключается в упорной работе по выявлению сущности диалогического дискурса. С другой стороны, это решение видится П. Рикёру в настойчивом противодействии притязаниям лингвистического дискурса представить диалог как беседу возможную лишь в дискурсе общего для его участников языка [9, с. 135].

Позицию П. Рикёра разделяют многие современные исследователи. В частности, такое рикёровское понимание сущности диалога позволяет А.О. Карпову прийти к выводу, что смысл дискурсивного выражения создается как в интерпретации смысла его фрагментов, так и в исследовании их значимостей – смысловых нюансов – в каждой конкретной ситуации [4, с. 74]. Исходя из данной позиции А.О. Карпова, несложно заключить, что только посредством включенности всех людей в единый – диалогический – дискурс возможна выработка конвенциональных содержаний смыслов и тем самым ослабление зависимости участников коммуникации от диктата преходящих историко-культурных и социокультурных дискурсов. С этим ученым можно согласиться: ведь в любом дискурсе отражается субъективность людей, участвующих в коммуникации друг с другом, так как они, как справедливо замечает В.А. Подорога, невольно искаженно воспринимают высказывание, полученное ими от другого субъекта диалога [7, с. 65].

Но ни П. Рикёр, ни А.О. Карпов понятие «диалогический дискурс» не используют, хотя их отношение к феноменам диалога и дис-

курса позволяет это сделать. Представляется, что существование диалогического дискурса косвенно подтверждается размышлениями М. Фуко. Выше указывалось, что для него дискурс определяется постоянным способом установления отношений трёх типов: между внутренними для дискурса возможностями систематизации, между этим дискурсом и другими дискурсами и, наконец, между данным дискурсом и всем недискурсивным полем практик, присвоения, интересов и желаний. Если обратиться к феномену диалога, то можно обнаружить, что он поддерживается всеми этими типами отношений. Недаром Б.Л. Губман пишет, что дискурс является специфическим «итогом межчеловеческого диалога» [3, с. 348].

Внутренние возможности систематизации диалогического дискурса выявляют Г.С. Померанц и М.Е. Соболева. Г.С. Померанц, анализируя виды диалога, приходит к выводу, что важным критерием их классификации является характер и степень стремления к истине участников диалога [8, с. 562]. Исходя из данного наблюдения философа, можно заключить, что внутрисистемные связи диалогического дискурса тем прочнее, чем большее значение для участников диалога имеет достижение истины конвенциональным путем. М.Е. Соболева, исследуя социальные функции диалога, утверждает, что они имеют три цели: регулирование действий членов общества, достижение истины и установление взаимопонимания [10, с. 147]. Она приходит к выводу, что возможность систематизации диалогического дискурса осуществляется лишь в выполнении диалогом третьей из его социальных функций (то есть содействия взаимопониманию) [10, с. 149]. Если исходить из позиции М.Е. Соболевой, то степень взаимопонимания участников диалога также определяет меру системного единства диалогического дискурса. Таким образом, можно прийти к выводу, что диалог в качестве дискурса обладает системой внутренних связей и основными из этих связей являются стремление участников диалога к достижению истины посредством конвенции и признание ими необходимости достижения взаимопонимания. Поэтому существуют как минимум две внутренние возможности систематизации диалогического дискурса – стремления к истине и к взаимопониманию участников диалога.

Отношения между дискурсами возможны при условии их однотипности. А так как диалог – это форма речи людей, то первой из ряда дискурсов, с которым диалогический дискурс имеет отношения, является другая форма речевой экспрессии. Это обстоятельство важно учитывать, анализируя формы человеческой экспрессии, к каковым В.Г. Щукин отнес диалог и монолог (как речевые формы), молчание и нечленораздельный вопль (как неречевые формы) [15, с. 34]. Виды неречевого характера – молчание и нечленораздельный вопль – к дискурсам отнести нельзя. Потому имеет смысл лишь обратить внимание на отношения между речевыми формами человеческой экспрессии, яв-

ляющимися одновременно и дискурсами – диалогом и монологом. Ведь одни убеждения и коммуникативные техники соответствуют намерениям человека, стремящего вступить в диалог или поддерживать его, и совсем другие присущи стороннику монолога.

Отношения, связывающие диалогический дискурс с дискурсом монолога, базируются на различии психологических типов людей и их мировоззренческих установок – приверженцев диалога и монолога соответственно. Данное различие психологических типов проявляется в том, что людьми, предпочитающими диалог, по наблюдению В.Г. Щукина, обычно бывают интроверты, а экстраверты чаще всего являются приверженцами диалога [15, с. 41]. Мировоззренческие расхождения сторонников диалога и монолога выражаются в том, что Г.С. Померанц назвал диалогичностью – уровнем переносимости инакомыслия [8, с. 562–563]. По его мнению, и с этим трудно не согласиться, чем выше уровень диалогичности культуры, тем более она высокоразвита (тоже самое можно сказать об отдельном человеке или коллективе). И наоборот, чем более субъекты культуры одобряют диалог, тем они более склонны к нетерпимости к инакомыслию и, как следствие, к ошибочным выводам [8, с. 563]. Монолог предполагает неприятие возражений и уверенность в своей правоте, в обладании истиной [15, с. 41] в отличие от людей диалога – сторонников плюрализма. Но при этом, как отметил В.Г. Щукин, каждый человек обречен на постоянное осуществление разнообразных диалогических связей как с природой, так и с культурой [15, с. 34]. Так что именно диалогический дискурс является основой интересубъективности.

В данной связи необходимо отметить, что с понятием «диалог» нередко современные учёные соотносят понятие «полилог». На наш взгляд, о полилоге оправданно говорить лишь как о нестандартной форме диалога, являющей собой сосуществование диалогов и вследствие этого – какофонию и полифонию смыслов, многоаспектность (многогетемность) и разноуровневость проблематики. Встречается и полилог как форма диалога с самим собой в условиях патологической разобщённости «компонентов «Я»-субъекта» (или его “множественной идентичности”), при которой личность человека вообще может утратить целостность. Все эти признаки делают полилог наиболее проблемной формой диалога.

В данной связи представляется закономерным существование самых разнообразных отношений между диалогическим дискурсом и всем недискурсивным полем практик, присвоения, интересов и желаний. Вот примеры отношений между дискурсом диалога и каждым из компонентов этого недискурсивного поля. Отношение между диалогическим дискурсом и практикой выражается, в частности, в том, что под влиянием приверженности писателя диалогическому дискурсу формируется особая практика художественного творчества. Если автор произ-

ведения привержен диалогу, то приобретает способность к более глубокому постижению окружающего мира. Этот вывод подтверждается исследованием М.М. Бахтиным творчества Ф.М. Достоевского [2, с. 153]. Отношение, характерное для связи между дискурсом диалога и стремлением к присвоению, иллюстрируется ролью диалога в культуре. По А.В. Ахутину, вне отношений с диалогическим дискурсом культура не могла бы существовать, лишаясь ценностно-смысловых связей и тем самым своей уникальностью и своего единства [1, с. 355]. Лишь так культура поддерживает свою способность к самоидентификации и развитию, в том числе и самосовершенствованию отдельной человеческой личности. Ведь, как доказывает Б.Л. Губман, участие в диалоге стимулирует вновь проверить собственные целевые установки как на степень их рациональности, так и на обоснованность подкрепляющих их стандартов рациональности [3, с. 299] и, возможно, переосмыслить те свои стереотипы, приверженность которым препятствовала личностному росту. В таком периодическом переосмыслении заинтересован любой умный человек. И, наконец, лишь поддержание отношений с диалогическим дискурсом, включенность в него, по замечанию А.Н. Чумакова, позволяет человечеству гарантированно удовлетворять желание, потребность в самосохранении. Следует помнить, что в эпоху глобализации обостряется конкуренция различных субъектов международных отношений и она может привести к гибели всего человечества. Альтернативной подобному печальному итогу может быть лишь диалог [14, с. 38], т. е. постоянное пребывание всего человечества в диалогическом дискурсе. С этим косвенно соглашается даже Ю. Хабермас, отмечая, что современное, т. е. постметафизическое, мышление, ввиду отказа от опоры на субъективное нормотворчество, может полагаться лишь на коммуникативную форму дискурсов [13, с. 80]. А эту форму можно представить лишь в виде диалога, недаром предпосылками подобной коммуникации Ю. Хабермас считает равное право на участие в ней, равенство в искренности и свободе ведения аргументации [13, с. 80–81]. Именно установка на всеобщее и обязательное соблюдение этих требований в ходе осуществления коммуникации отличает диалогический дискурс от дискурса монологического. Сторонники монолога требуют совершенно иного: полного согласия с их монопольным обладанием истиной и стремления эту истину безоговорочно воспринять.

Концепция дискурса, введенная М. Фуко и поддержанная Ю. Хабермасом, не допускает возможности ни освобождения людей из-под власти преходящих (историко-культурных и социокультурных) дискурсов, ни их объединения в рамках универсального – общечеловеческого и вневременного – дискурса. Противники данной точки зрения предприняли попытки внести поправки в данную концепцию дискурса, указывая на специфику феномена диалога. Одни из них (например, Х. Куссе) стремятся доказать, что диалог – это возможность выхода по

ту сторону «тюрьмы дискурсов». Другие исследователи, не согласные с толкованием феномена дискурса М. Фуко (в частности, П. Рикёр и А.О. Карпов), полагают, что существует общечеловеческий дискурс и что его универсальность имеет лингвистический характер. Они тем самым обосновывают существование диалогического дискурса, который вследствие своей универсальности и вневременности может ослабить влияние преходящих дискурсов на людей. Представляется, что данная позиция находит весомые подтверждения и из этого можно сделать вывод об оправданности использования понятия «диалогический» дискурс как единственно возможного универсального вида дискурса межкультурной коммуникации людей.

Список литературы

1. Ахутин А.В. Диалог культур // Теоретическая культурология. М.: Академический проект; Екатеринбург: РИК, 2005. С. 354–355.
2. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. М.: Алконост, 1994. 174 с.
3. Губман Б.Л. Введение в философию культуры // Губман Б.Л. Современная философия культуры. М.: РОССПЭН, 2005. С. 289–523.
4. Карпов А.О. Дискурс: классификация контекстов // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 74–86.
5. Кристева Ю. Разрушение поэтики // Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М.: РОССПЭН, 2004. С. 5–30.
6. Куссе Х. Возможно ли сегодня диалогическое мышление? // Вопросы философии. 2007. № 11. С. 56–65.
7. Подорога В.А. Феноменология тела: Введение в философскую антропологию (материалы лекционных курсов 1992–1994 годов). М.: Ad Marginem, 1995. 340 с.
8. Померанц Г.С. Диалог // Культурология: энциклопедия: в 2 т. / главн. ред. С.Я. Левит. М.: РОССПЭН, 2007. Т. 1. С. 562–563.
9. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И.С. Вдовиной. М.: Академический проект, 2008. 695 с.
10. Соболева М.Е. О возможности диалога между культурами // Вопросы философии. 2009. № 3. С. 147–157.
11. Фуко М. Археология знания. СПб: ИЦ «Гуманитарная академия»; Университетская книга, 2004. 416 с.
12. Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных работ. М.: Касталь, 1996. С. 48–95.
13. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций. 2-е изд., испр. М.: Весь мир, 2008. 416 с.

14. Чумаков А.Н. Культурно-цивилизационный диалог как способ решения проблем в современном мире // Вопросы философии. 2013. № 1. С. 35–42.
15. Щукин В.Г. О диалоге и его альтернативах. Вариации на тему М.М. Бахтин // Вопросы философии. 2006. № 7. С. 32–44.

DIALOGICAL DISCOURSE AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

V.V. Bulanov

Tver State Medical Academy, Tver

The article is aimed at proving the existence of a universal discourse. At the same time, this kind of universality is understood as established on the basis of intercultural communication and dialogue. In this perspective, he considers it possible to use «a dialogical discourse» concept.

Keywords: *dialogue, discourse, intercultural communication.*

Об авторе

БУЛАНОВ Владимир Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества ГБОУ ГПО «Тверская государственная медицинская академия», Тверь. E-mail: althotas3111978@mail.ru

Author information

BULANOV Vladimir Vladimirovich – Ph.D., Assoc. Prof. of the Dept. of Philosophy and Psychology with courses of bioethics and Russian History, Tver State Medical Academy, Tver. E-mail: althotas3111978@mail.ru